

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044  
9 770131 604002

# РОМАН №11 ГАЗЕТА

**Владимир Софиенко / Восточный хайвей**





Фото: Виктор Давидюк

## СОФИЕНКО Владимир Геннадьевич

Родился в 1968 году в г. Темиртау, Республика Казахстан. Прозаик. Автор четырёх книг.

Публиковался в журналах «Север», «Нева», «Северо-Муйские огни», «Роман-газета», «Нижний Новгород», «Тула», «Лёд и пламень», «Петровский мост», «Гостиный Дворъ», «Сура», «Снегири», «Балтика», «Полдень XXI век», «Фанданго», «Carelia» и др.

Лауреат III степени VI, VII, VIII Международного литературного фестиваля-конкурса «Русский Гофман».

Дипломант XI Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь». Лауреат премии имени Г. Р. Державина «Во славу Отечества».

Рассказы переведены на финский, армянский, японский языки.

Директор АНО «Петроглиф». Организатор Международного литературного фестиваля «Петроглиф». Занимается социокультурными и инфраструктурными проектами в Республике Карелия, направленными на сохранение наследия Севера.

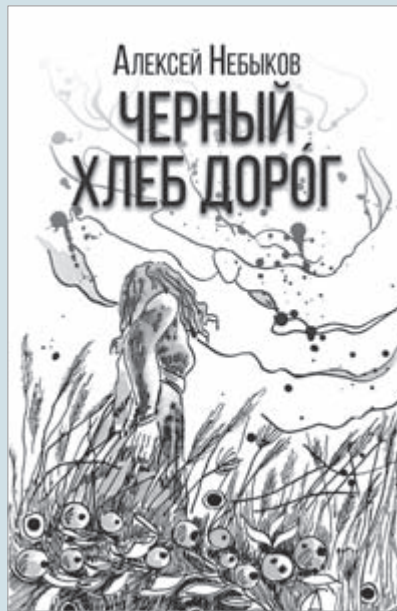
Член Союза писателей России (Карельское региональное отделение). Член Всероссийского клуба кураторов литературных фестивалей.



# Сколько весит душа человека?

Редакция представляет дебютную книгу автора «Роман-газеты» Алексея Небыкова «Чёрный хлеб дорог», вышедшую в издательстве «Вече» в 2024 году. Книга номинирована редакцией на литературную премию «Ясная Поляна», а самим издательством — на «Большую книгу». В книге представлен 21 рассказ, и, как сообщает автор, это неслучайно, ведь именно 21 грамм, если верить ученым, весит душа человека. Некоторые рассказы публиковались ранее в толстых литературных журналах (включая «Роман-газету»), в тематических сборниках, но есть в сборнике и совсем новые произведения.

Читайте истории о родовых проклятиях и семейных тайнах, о жертвах любви и о расплате за негодный образ жизни, о главном хищнике современности — человеке, способном на насилие даже из-за незначительного бытового проступка. Разгадайте загадку одиночества человека в космическом



пространстве, посетив звездную станцию, утратившую связь с Землей, пульт управления которой охраняет от космонавтов немецкая овчарка. Прокатитесь с перевозчиком, доставляющим людей в места покойные на такси, почувствуйте ужас живого погребения и узнайте, по-

чему нужно бояться мертвецов со старых фотографий.

В большей части рассказов автор представляет читателям некий нравственный урок, ставит своих героев перед ситуацией этического выбора. И многие из героев поступают не так, как велит совесть, а потому расплата за грех — не заставляет себя долго ждать. Собственно, в этом и заключается эстетика страшного у Небыкова — роковые события в жизни людей не есть данность мира, они порождаются человеческой сделкой с совестью.

В рассказах Небыкова есть и хлесткий сюжет, и неожиданные повороты, и конечный катарсис. Обращение к разным жанрово-стилевым формам позволяет автору всесторонне взглянуть на человеческую натуру. Повинен ли человек во зле? Каковы его мотивы и можно ли найти оправдание? Заслуживает ли человек прощения и милосердия? Может ли искупить вину?



Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

# РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

**Учредитель и издатель**  
ООО «Роман-газета»

**Главный редактор**  
Юрий Козлов

**Редакционная  
коллегия:**  
Дмитрий Белюкин  
Алексей Варламов  
Анатолий Заболоцкий  
Владимир Личутин  
Юрий Поляков

**Ответственный  
редактор**  
Елена Русакова

Права  
на использование  
товарного знака  
«Роман-газета»  
принадлежат  
ООО «Роман-газета»  
© ООО «Роман-газета», 2024  
Все права защищены  
Журнал зарегистрирован  
в Министерстве связи  
и массовых коммуникаций РФ.  
Свидетельство о регистрации  
ПИ № ФС77-68350  
от 30.12.2016 г.

Подписаться  
на журнал «Роман-газета»  
можно в отделениях связи  
и через Интернет:  
roman-gazeta-1927@yandex.ru

**Подписные  
индексы издания:**

в объединенном  
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может  
не совпадать с позицией  
редакции

**2024 №11** /1952/ Основана в 1927 г.

*Владимир Софиенко*

## Восточный хайвей

*Постсоветская одиссея*

*Роман*

*Моим друзьям, прошедшим 90-е, —  
Сергею Созонову,  
Валерию и Наталье Дильман,  
Сергею Гану*

**ЛЕТО, 1992**

*Казахстан*

Тем летним днём уже который час Александр Ванк в раздумьях расхаживал по комнате, заложив руки за спину. Выбор перед ним стоял непростой: решалась судьба. От платяного шкафа до единственного окна в его комнате — ровно семь шагов. На подоконнике — клетка с волнистым попугайчиком. Обычно залиvisto лопочущая птица умолкла и спрятала голову под крыло, как будто чтобы не мешать хозяину.

Вот он задержался у окна, окинул взглядом залитый июньским солнцем двор с качелями и турником, слепые окна серой пятиэтажки напротив. Дома стояли так близко, что, казалось, можно разглядеть жильцов, но занавешенные шторы укрывали частную жизнь от посторонних. Ни во дворе, ни в окнах людей не было, а значит, глазу зацепиться не за что.

Тогда Ванк посмотрел на клетку с дремлющей птицей и наконец перевёл взгляд на письменный стол, на котором лежал документ в красной обложке и главный предмет его раздумий — желтоватый казённый листок. Саша сделал шаг в сторону стола... Но нет, что-то остановило его. Машинально тронув рукой сиденье обшарпанного винтового табурета, вернулся на прежний маршрут между окном и шкафом. Большое зеркало в створке шкафа отражало стол и табурет — такие используют пианисты и парикмахеры.

К слову, в дом этот табурет принесли как раз из парикмахерской, где работала Сашина мама. Табурет, к тому времени изрядно обшарпанный, списали, и заведующая разрешила забрать его, если кому-то нужен. А Сашина мама мечтала, что сын станет известным пианистом. Дома отец снял старое сиденье и сделал новое — такой пуфик из куска фанеры, поролон и дерматина, покрасил железную треногу, смазал винт. Обновленный табурет на время, пока не купили фортепиано, приставили к письменному столу, за которым сын делал уроки. Однако после появления в квартире Ванков инструмента табурет так и остался стоять на прежнем месте. С тех пор минуло много лет. Дерматин вытерся, потрескался. Саша окончил школу, университет.

Сейчас он взглянул на фортепиано цвета спелой вишни. Солидный инструмент, сияющий от свежей полироли, показался ему неуместным в этих стенах: и без того скромная комната была еще и не прибрана, к тому же рядом с фортепиано на коврик лежали гантели и гири. На самом деле всерьёз музыкой в этой квартире никто никогда не занимался: с детских лет Саша часто пропадал на тренировках и спортивных сборах.

— ...Может, правда, надо было выучиться на пианиста? — в задумчивости вслух спросил он у дремлющей птицы.

Попугайчик понимающе посмотрел на хозяина одним глазом, сонно разявил изогнутый клюв, но ничего не ответил.

Саша потянул на себя створку шкафа. Скрипнув, она открылась, а зеркало улизнуло от письменного стола и табурета. Теперь Саша в полный рост отразился в нём. Он был в одних спортивных. Уверенный взгляд серых глаз, крепкий подбородок, сильные руки, широкая мускулистая грудь, три ряда кубиков пресса... Удовлетворённый своим отражением, он, подцепив пальцами резинку штанов, поправил пояс.

— Если б, и правда, стал пианистом, что бы я делал сейчас? — спросил Саша у своего отражения и тут же, кривляясь, ответил: — Играл бы в детских садах на утренниках или для бандитов в ресторане.

Он подошёл к фортепиано, открыл клап и одним пальцем коснулся клавиш. Получилось: «Жи-ли у ба-бу-си...» Закрыв клавиатуру.

Тем временем в голове его вызрело некое решение. Саша уверенно подошёл к столу. На обложке документа в красном переплёте значилось «Диплом». Внутри — текст на казахском и русском, указана специальность «преподаватель физкультуры». Тот самый желтоватый листок оказался заявлением о приёме на работу.

— Нет, в школу работать не пойду, — твёрдо сказал себе Саша, попутно отсекая последние сомнения. — Жить на что-то надо.

Диплом он положил на книжную полку поверх учебников и журналов — с глаз долой, а заявление

скомкал и метнул в мусорницу. Накинув на плечи динамовскую синюю с белым мастерку, Саша вышел из комнаты.

На кухне хлопотала мама.

Стараясь не шуметь, в прихожей Саша обул поношенные «адики» и тихонько клацнул дверным замком.

И всё же мама услышала, вышла к нему, смахивая с ладоней муку:

— Сынок, уже уходишь? Куда в таком виде? — кивнула на спортивную одежду Саши.

— Я не в школу, мам. — Откровенничать с ней сейчас было не время, но и обидеть не хотелось. — Есть у меня задумка одна... — Саша говорил отбегаемо, пряча глаза от материнского испытующего взгляда.

Та встревожилась: родители ждали, что сын пойдёт устраиваться в школу. Она часто заморгала от волнения и заговорила, сдерживая тревогу:

— Подожди, сынок. Не торопись. Вот отец с работы вернётся — поговорим. Сейчас время такое... Вот у нашей заведующей Шамси Бану Браловны... из парикмахерской... сын...

— Да знаю я всё! — нетерпеливо перебил её Саша, догадываясь, куда клонит мама, добавил мягче: — Не переживай, мамуль, в бандиты не пойду. У тебя двушки есть? Мне позвонить надо.

— Там... в сумочке посмотри, — ответила она, указав на трельяж, сердобольно спросила: — Срочно позвонить надо? Зашёл бы к Антону Степановичу. Пустит, уж не откажет...

— Потом как-нибудь, — уклончиво ответил Саша, но сумочку с трельяжа взял, пошарил в ней. Зажав в ладони монету, он выскочил на улицу, пообещав матери скоро вернуться.

Итак, всё должен решить один телефонный звонок. Что ответят ему на том конце провода? Двушка в Сашиной ладони могла перевернуть всю его жизнь. Странно, как ничего не значащие мелочи в одночасье могут изменить судьбу.

У подъезда Сашу окликнули:

— Саня, салам!

Молодой казах в милицейской форме приветственно махнул рукой.

— Салам, Ермек! — Саша приветливо улыбнулся, подошёл к новенькой девятке, окрашенной в белоголубые цвета милиции, недавно сменившие доперестроечные жёлто-голубые. — Растёшь, Ерма! — Он крепко пожал руку другу детства.

— Нашальника уголовки вожу! — похвастал тот с казахским акцентом. Его скуластое лицо расплылось в горделивой улыбке и глаза-щелки ещё больше сузились.

Ермеку, как и Саше, исполнилось двадцать три года, и карьера его с лёгкой руки дяди Ержана теперь пошла в гору. Где работал дядя Ержан — этого его родные не говорили. Хотя и так было понятно: в го-

сти к своей сестре, то есть маме Еркека Карлыгаш Базархановне, он приезжал на чёрной «Волге» с правительственными номерами. Зимой дядя Ержан ходил в пальто с каракулевым воротником и каракулевой шапке, летом — в черных отутюженных брюках со стрелками, белой рубашке и обязательно с папкой под мышкой — атрибутом высокого руководителя. Так что соседи не сомневались, что дядюшка Еркека служит в высоких чинах.

Еркек напоказ — так, чтобы видел его друг, — поправил наручники, прикрепленные к поясу брюк, пригладил новенькую кобуру на боку.

— Ты, Саня, сатри... Если чё, обращайся, брат. Может, какой мамбич обидит — разберёмся! — сказал он, потом, спохватившись, предложил: — Может, падвисти куда?

— Нет, спасибо, Еркек. Мне тут рядом. — Саша на прощание махнул рукой и вышел со двора.

На улице стоял жаркий солнечный день — таких в Алма-Ате не счесть.

Саша Ванк любил палящее южное солнце, а ещё любил свой город, где родился и вырос. Он шёл по улице Фурманова. Дорога забирала вверх. Впереди, словно ожерелье из драгоценного жемчуга на плечах красивой казашки, ослепительно блестели вечные ледники Заилийского Алатау. Дорожное полотно шуршало шинами авто, иногда гудели клаксоны. Звенел горной водой арык. Солнце стояло в зените, старые толстовольные тополя почти не отбрасывали тени.

Прохожих в этот час было мало, и будка с телефоном-автоматом оказалась свободной. Александр вдохнул поглубже и настроился на разговор. Затем вынул из кармана клочок бумаги с номером телефона, вставил двушку в монетоприёмник, набрал на диске нужные цифры.

Трубку подняли почти сразу.

— Алло, Валера! Салам, брат! Напарник ещё нужен? — сразу выдал Саша, чтобы скрыть волнение.

В трубке что-то коротко ответили.

— Я согласен, — без тени сомнения подтвердил Ванк. — Когда выезжаем?

Выслушав ответ, заверил:

— Деньги я достану. Тогда до завтра, — и повесил трубку.

Выйдя из телефонной будки, Саша набрал больше воздуха в лёгкие и с силой выдохнул, сбрасывая напряжение. Теперь обратного пути нет.

Саша понимал и даже разделял опасения своих родителей по поводу его будущей работы. Учитель в школе — всё-таки какая-никакая, а устроенность по жизни и относительная стабильность в это неспокойное время. Оно было действительно сложное. Советский Союз распался, и всё постсоветское пространство оказалось на краю пропасти. Экономика Казахстана, как и других отколовшихся союзных республик, катилась под откос, закрывались пред-

приятия и госучреждения, зарплаты задерживались месяцами. Люди, оказавшиеся без средств к существованию и возможности заработать, были брошены на произвол судьбы. Каждый выживал, как мог.

А что мог Саша Ванк — молодой энергичный парень, спортсмен? Не сидеть же ему на шее у родителей? На зарплату учителя не разгуляешься. Или ждать у моря погоды — может, в стране всё образуется? А образуется ли? Его родители тянули лямку. Они честно трудились, перебиваясь от зарплаты до зарплаты, хватались за подработки, уничижительно прозванные халтурами. Но кто ж откажется от дополнительного, хотя и полуполюгального, заработка?

Нет, себе такого будущего Саша не желал. К тому же у него были достойные примеры: его знакомые в одночасье становились богачами. Чего проще: купи — продай. Но коммерция — дело рискованное, а главное — попасть в струю, как говорится.

На алма-атинских улицах Сашин взгляд всё чаще выхватывал дорогие иномарки — маячки сытой, богатой жизни. Одним своим видом они сигналили ему о том, что всё может быть иначе: роскошь рядом, и те длинноногие девицы, сидящие в кожаных салонах на задних сиденьях, могут стать для него реальностью. Надо лишь что-то делать, двигаться вперёд, чтобы искать возможность заработать деньги, а значит, идти в ногу с реалиями новой жизни. Как не остаться на обочине этой скоростной трассы, ведущей предприимчивых и смелых к богатству и благополучию? Кажется, теперь Саша знал ответ на этот вопрос.

Козырьком приложив руку ко лбу, он окинул взглядом цепочку горных вершин, виднеющихся над крышами многоэтажек, будто высматривая кроющееся в них своё светлое будущее. Затем улыбнулся их яркому манящему блеску и зашагал домой.

Поднявшись на нужный этаж, Саша не сразу повернул к своей квартире, а остановился у соседской. Рука на мгновение повисла в воздухе, затем решительно стукнула в дверь три раза. Из квартиры раздались шаги, щёлкнул замок, цепочка не дала двери открыться полностью. В щели показалось лицо пожилого мужчины:

— А-а, это ты, Саша. Входи.

Дверь на мгновение затворилась, брякнула цепочка. Саша оказался на пороге.

Антон Степанович, шаркая тапочками по паркету, сразу ушёл в другую комнату; за спиной хозяина сошлись нити модной шторы, мелодично побрякивающей стеклярусом.

— Будешь уходить — позови! Телефон в углу, знаешь! — донеслось в прихожую из комнаты.

Саша в нерешительности потоптался на пороге, бросил взгляд на полку с телефонным аппаратом. Крикнул:

— Антон Степанович, вообще-то я по другому вопросу!

— Вот как? — полюбопытствовали из комнаты. Послышались шаги. Нити стекла раздвинулись, из комнаты выглянул Антон Степанович. — Тогда милости просим. Проходи в комнату, тапочки надень. В обуви.

Саша, немного робея, — он ещё не был в гостях у соседа, — прошёл в залу и едва сдержал себя, чтобы не ахнуть от восхищения. Комната была заставлена дорогой мебелью, за стеклами шкафов красовалась хрустальная посуда, сверху, под потолком, выстроены рядами разноцветные банки из-под импортного пива. Были в комнате и другие «буржуйские» пузатые бутылки и штофы, но те не произвели на посетителя такого впечатления. Больше всего его поразило то, что он увидел в углу комнаты: на тумбочке с резными ножками стоял «SONY» — японский цветной телевизор, а под ним на полке — видеомэгнитофон и кассеты!

Раньше эти богатства Саша видел только в затёртых до дыр иностранных журналах и ещё в магазине «Берёзка», где позволялось делать покупки лишь таким везунчикам, как Антон Степанович, который долгое время ходил за кордон на советском торговом судне.

Заметив реакцию гостя, хозяин самодовольно улыбнулся:

— Проходи, проходи, — и указал ему на кресло возле шахматного столика.

Банк сел, напротив устроился и сам Антон Степанович.

— Ну, что ж, рассказывай, какое у тебя ко мне дело. — Антон Степанович вальяжно развалился в кресле.

Было ему за пятьдесят. Бывший моряк, он всегда носил элегантные костюмы, подчёркивающие его статную фигуру, был холост и детей, насколько известно соседям, не имел.

С Сашей Антон Степанович всегда был вежлив, даже интересовался его успехами в спорте, так что Ванк решил, что он на хорошем счету у соседа. А тот и впрямь любил таких, как Саша: спортивных и целеустремлённых. Ванк как-то слышал от своего отца, что их сосед уже нигде не работает, а живёт на проценты от денег, которые даёт в долг.

Заметив смущение на лице соседа, Антон Степанович разрядил обстановку:

— Ну... как там у тебя со спортом?.. Тренируешься?

Саша с досадой махнул рукой:

— Какое там! Союз распался. Спортсмены теперь никому не нужны.

Антон Степанович кивнул.

— Что думаешь делать дальше? Я слышал, ты пединститут окончил. Пойдёшь по профессии?

Саше показалось, что в голосе Антона Степановича прозвучала ирония, но больше тянуть было некуда.

— Я к вам пришёл именно по этому вопросу, — выдал он, наблюдая за реакцией соседа.

На чисто выбранном лице Антона Степановича появилось недоумение. Дальше Ванк коротко выложил суть своего дела.

Теперь выражение лица мужчины стало серьёзным. Глаза его ощупывали юного соседа, будто испытывали на прочность. Чувствуя на себе расчетливый взгляд Антона Степановича, Саша даже успел огорчиться, подозревая, что напрасно пришёл.

А тот пригладил ладонью лысеющую голову.

— Что ж, теперь торговлей многие занимаются... — начал он. Саша напрягся, ловя каждое слово. — Я могу дать тебе под двадцать процентов пятьдесят семь тысяч рублей, — вкрадчиво продолжал сосед. — По курсу на сегодняшний день это тысяча долларов. Могу дать в рублях или в валюте — выбирай. Отдавать будешь в баксах или по курсу доллара. Отобьёшь эту сумму, а там видно будет.

Саша с облегчением выдохнул и натянуто улыбнулся.

— Ну, если по рукам, то вечером зайдёшь с распиской. — Антон Степанович тоже улыбнулся, но снисходительно.

От волнения Сашино лицо заливала краска. Выйдя от соседа, к себе сразу он не пошёл. Ему захотелось немного прогуляться, чтобы свыкнуться с мыслью, что у него начинается новая жизнь. Внутри Саши плескалось целое море эмоций, любые сомнения он давил в зачатке, потому что обратного пути не было. Изначально Саша, конечно, надеялся на ссуду от Антона Степановича, но в глубине души был готов и к отказу. Если б сосед ему отказал, он бы скорее всего вынужден был пойти работать в школу. Но, похоже, сегодня Ванку удалось поймать удачу за хвост — всё, о чём он мечтал, призрачно замаячило на горизонте.

Первые минуты эйфории прошли, вернув Александра с небес в мир земных реалий. Итак, большие деньги ему давали под большой процент, и предстояло займом толково распорядиться, чтобы расплатиться с кредитором. В коммерции опыта у Саши не было. Его представления были на уровне «купи — продай». А что и почему купить, за сколько продать, чтобы не прогореть, — это вопрос. Он вдруг ощутил, что уверенность в нём пошатнулась. Эта мысль начала нарастать в его голове, откуда-то возникла легкая тревога... Так что... может, дать делу обратный ход?.. Не брать деньги?..

Переливчатые звуки клаксонов авто прервали раздумья Ванка. Мимо него проносился целый кортеж дорогих машин. На перекрёстке на жёлтый мигающий машины чуть притормозили. Из последней, по счёту четвёртой, «Мазды» алого цвета доносился звонкий девичий смех; в открытое окно кто-то из прелестниц вытащил напоказ очаровательные ножки в туфельках на высоком каблучке. За рулём сидел

молодой парень. Саша успел заметить на его руке массивные золотые часы и перстень. Загорелся зелёный свет, машины умчались.

«И я смогу! Чем я хуже?!» — со злостью подумал Ванк, глядя вслед кортежу, и двинул к дому.

Мать кое-что знала о планах сына, но всё надеялась, что отговорит его, найдёт нужные аргументы. Потому и планировала вечером всё обсудить на семейном совете в присутствии отца. Но сын опередил. Вечером, пока отец не вернулся с работы, в своей комнате Саша написал расписку и отлучился к соседу. Услышав, что сын вышел из квартиры и чуя неладное, мать караулила его возвращение. В это время как раз пришёл с работы муж. А сам Саша вернулся еще минут через пятнадцать с деньгами. Увидев в руках сына пухлые пачки купюр, мать всё поняла: он влез в долги.

Она провела Сашу в кухню, где ужинал отец. Сразу начала выговаривать:

— Саша, где это видано, чтобы человек с высшим образованием был спекулянтом!

Слово «спекулянт» мама произнесла с уничижительной интонацией, лицо её при этом выразило брезгливость.

Сын опустился на табуретку. Сложив руки на груди, он сидел неподвижно, как истукан, и молчал, глядя перед собой в пустоту.

Мать выдержала паузу и, не получив в ответ никакой реакции, всплеснула руками:

— И это предел мечтаний — торговать на рынке!

Сев за стол, мать со смутной надеждой посмотрела на сына, затем осуждающе — на мужа, в котором хотела найти поддержку. Но тот, понурился, молча ковырял вилкой в тарелке.

— Миша! Ты хоть скажи что-нибудь! — с нажимом сказала она. — Не будет же наш сын всю жизнь торговашом!..

— А что — я! — Отец положил вилку на стол, он уже понял, что на этот раз ему не отмолчаться, придётся озвучить свою позицию. — Много ли я на своём автобусе зарабатываю? Я считаю, пусть Сашка попробует. Сейчас все торгуют и поднимают неплохие деньги на этом...

Жена, понимая, что сторонников у неё нет, часто заморгала, глаза её увлажнились, голова склонилась на руки.

— Плакать будем, когда продукты кончатся. В магазинах прилавки пустые! — поддел муж. — К рынкам и кооперативным магазинам с их ценами не подступиться. Ты вон на музыку хотела отдать его. Толку с того, что пианино место занимает? Полироль жрёт! А ради чего? Сашка сразу сказал: не буду! Так ему тогда восемь было, а сейчас — слава богу... Мы пожили своё, пусть Сашка пробует свои силы. Время сейчас такое... — Отец снова принялся ковырять вилкой в тарелке.

Мать подняла на сына вмиг высохшие глаза. Она знала: Саша, как и его отец, немногословен, но, уж если решил что, расшибётся в лепёшку, а своего будет добиваться. «Вот что мне делать с ними?!» — в сердцах подумала она.

— Ты же слышал, сынок, что творится на этих рынках! — решила привести мать последний довод. Теперь она говорила мягко, вкрадчиво: — Хулиганье да бандиты ходят, товар отбирают, людей бьют. Ты ведь, — догадалась мать, — у Антона Степановича такие деньжищи в долг взял? Как отдавать теперь будем? — Голос её дрогнул, она с надеждой смотрела на сына.

Мямлить и оправдываться ему больше не хотелось.

— Так, завтра я уеду по делам, — сухо сказал он. — Долг сам верну. А с бандитами договоримся, — в голосе Саши, в его угрюмом взгляде была непоколебимая твёрдость. Он упрямо вскинул голову, сжав кулаки. Через секунду взгляд его оттаял, он широко улыбнулся и сменил тактику: — Ну, не переживай, мамуль! Неужели ты считаешь, я не справлюсь? Вот увидишь, всё будет шик-модерн! — Сын нарочно употребил её любимое словцо.

А та, капитулируя перед своими мужчинами, тяжело вздохнула, встала из-за стола.

— Вот к чаю, — тихо вымолвила она, ставя перед мужем и сыном блюдо с чебуреками. — Что останется — завтра возьмёшь с собой в дорогу. С рук еды не покупай — не дай бог отравишься. — Мать ещё раз тяжело вздохнула и устало опустилась на стул.

Рано утром в дверь квартиры торопливо постучали. Саша с волнением ждал этого момента, сразу открыл и выскользнул на лестничную клетку.

Перед ним стоял Валерка. Он был спортивного телосложения, коротко стрижен, одет в модные джинсы.

— Привет. Ну чё, готов? — негромко спросил он.

— Угу, — кивнул Ванк.

— Предки в курсе? Деньги при тебе? — на всякий случай понизив голос, спросил визитёр.

Саша достал из левого кармана брюк две зеленые пачки рублевых банкнот, из другого — пачку стодолларовых купюр.

— Порядок. — Валерка одобритительно кивнул. — Твои спят ещё?

— Нет, отец уже в рейс уехал. А мама... — Ванк не успел договорить.

Дверь приоткрылась, и на лестничную клетку из квартиры выглянула мать.

— Валерик, здравствуй! — как будто обрадовалась она, увидев знакомое лицо, и зачатила словами: — Так ты войди! Войди! — посторонилась, впуская раннего гостя. — Это с тобой, значит, Саша едет?! А я вчера чебуреки жарила. Возьми вам в дорогу, а то Саша стесняется.

— Мама! — с укоризной осадил её сын.

— Здравствуйте, Ольга Алексеевна! — широко улыбнулся Валерка. — Извините, что так рано. Ваши чебуреки — произведение кулинарного искусства! Саня может не есть, — он подмигнул другу, — а вот я никогда не откажусь.

Саша и Валера вошли в прихожую. А Ольга Алексеевна метнулась в кухню и через пару минут вернулась с пакетом, обёрнутым в несколько слоёв газеты. Всузив чебуреки, предупредила:

— Погоди, еще чай! — принесла из кухни термос, разрисованный красными и белыми хризантемами. — Вот. Термос китайский. Долго держит тепло. Отец наш в лотерею выиграл! На всё депо только три штуки привезли! — протянула Валере предмет гордости.

Саша демонстративно закатил глаза, мол, мы так ещё долго будем стоять, и слегка подтолкнул друга на выход.

— Спасибо, Ольга Алексеевна! — уже в дверях сказал Валера, и ребята поспешили вниз по лестнице.

Саша знал, чем занимается Валерка, но только в общих чертах. Немудреное, на первый взгляд, дело: подешевле купи да подороже продай.

А сейчас, сидя в зелёном жигулёнке «ВАЗ-2103», Валерка Дильман рассказывал другу о нюансах своего бизнеса. Общая схема такова: накупив залежалого барахла, Валера вёз его в Польшу, там по бросовой цене сбавивал на местном рынке, а на вырученную валюту — злотые — закупал «ходовку», то есть ходовой для Казахстана товар: джинсы — «мальвины» или «караваны», футболки, джемпера и прочий ширпотреб. А техника в Польше дорогая — везти не выгодно.

Вот в прошлый раз, к примеру, в Казахстане Валера скупил гаечные ключи и ножи для мясорубки, попалась и швейная машинка. Так вот этот товар, в том числе подольский «Зингер», в Польше у него с руками оторвали. А вчера Валера по случаю ложки с вилками купил: удачно наткнулся на галантерейный магазинчик по улице Советской Конституции в Алма-Ате. Но на одних ложках-вилках много не заработаешь — только с этим в Польшу ехать смысла нет. Нужен еще товар. Кое-что можно добыть на складе магазина «Детский мир» — носки, платки, пеленки да на алма-атинском рынке взять зубную пасту, сигареты — в Польше это намного дороже. Но то ведь, по сути, мелочь — если и брать, так на оставшиеся деньги. А прежде хорошо бы смотаться в Киргизию, проехать по аулам в поисках товара повесомее. Вот туда друзья сейчас и собирались.

Дильман изложил Саше свой план, уже в конце спохватился:

— Забыл спросить: загранпаспорт у тебя в порядке? Взял с собой?

Тот кивнул.

*В Киргизию*

Спустя несколько часов они ехали по серпантину Зайлийского Алатау. Валера трепался о таможене, взятках, учил на будущее, сколько и кому давать, чтобы выпустили объёмные коробки с зубной пастой на белорусской и польской границах, как вести себя на рынке с поляками, как лучше паковать товар.

В Георгиевке — это село на границе с Киргизией — сделали остановку. Решили перекусить в местном кафе: Валерка нахваливал их кухню.

Пока ели манты, Дильман заливался соловьём — ему было о чём рассказать неопытному другу. А тот, слушая, поглядывал в окно на каменные массивы, обступившие дорогу, вспомнил и крутые подъёмы, спуски, неожиданные виражи по пути. Это навело Сашу на размышления о схожести трассы с дорогой жизни.

Что ждёт его впереди?..

Ещё год назад он и подумать не мог, что Советский Союз развалится. Как устроится жизнь в новом Казахстане?

Саша вспомнил о родителях, их честно заработанном хлебе и враз пропавших накоплениях «на книжках»; думал о распавшейся стране, что катится в пропасть, обрекая таких вот трудяг на нищету; об армии торговцев-челночников, заполонивших просторы некогда огромной страны. Вот и он стал одним из них. Куда выведет эта кривая?

— ...Так все торгуют, Саня, — словно угадал его мысли Валера. — Срубим бабла побольше. Начал бы раньше — уже бы на такой вот машине ездил. — Он ткнул пальцем на припаркованного возле кафе «жигулёнка».

А Ванк вспомнил вчерашний кортеж из иномарок. Сомнения закрались в голову. Потянуло на откровения.

— Ну, куплю я машину, квартиру, обстановку, технику.. А что потом? Что я умею? Какой из меня учитель? Я на физвос пошёл только ради спорта, думал спортивную карьеру делать. И ведь хорошо шло — второй пистолетчик в Союзе. Наверно, надо было на радиоинженера идти... — заключил он.

Но на самом деле Саша искал поддержки у своего друга. В этот момент он еще нуждался в заверениях, что его не бросят, не подставят. Увы, Дильман хватился за другое:

— На инженера?! — Он усмехнулся. — Сам подумай, что может предложить за труд инженера родина? Должность. А зарплату начислят будут диодами и платами?! На что жить инженеру? Я ещё понимаю — устроиться на мясокомбинат, там хоть зарплату колбасой выдают. У меня жена психологом в детском саду работает, денег уже полгода не видит!

Друзья помолчали. Перспективы и так были понятны.



— Немецкий учи, Саня! — наставлял Валера. — Сейчас все в Германию уезжают. Лично я деньги коплю, чтобы на историческую, так сказать, родину свалить. Здесь никому мы не нужны. На хорошие места не пробиться — там казахи, значит, и карьеры не сделать. Везде пресловутые нацкадры. Мы родились на этой земле, а как будто чужие! В лучшем случае будешь ходить в заместителях у какого-нибудь бая, дальше не пустят, как отца моего, — Валера со злостью ругнулся и, завершая свою мысль, добавил: — Дело даже не в должностях! Националы везде! Вспомни, что они учудили шесть лет назад!

Валерка имел в виду протесты казахов из-за назначения первым секретарем Компартии Казахстана чужака Колбина, который раньше и не работал в республике, и языка не знал. Но мусолить этот навязший на зубах скандал Саше сейчас не хотелось.

— Националы — тема давняя, сам знаешь. А какая мне Германия? У меня мать с отцом здесь. Как я их брошу? — сказал он.

— Главное — в Германии зацепиться, а там и родителей подтянешь, — учил Дильман. Потом вдруг огорошил Сашу предложением: — А давай купим самоучитель по немецкому языку, по дороге учить будем немецкий!

Саша не ответил. К их столику подошел официант и протянул счет. Ванк расплатился, и друзья пошли на парковку. Пора снова в путь.

Скоро трасса вывела на верхнюю точку перевала. В лучах солнца дорога серебрилась как река. То пропадающая, то вновь появляясь меж скал, она вела только вниз. Вдали, в каменной чаше гор с шапками ледников, блеснула небесно-голубым светом гладь озера Иссык-Куль.

## ОСЕНЬ, 1992

### *Из Польши*

Представительского класса авто отмеряло километры по казахстанским дорогам. Мимо проплывал однообразный ржавый осенний пейзаж.

На яме машину сильно потрянуло, отчего Ванк на заднем сиденье проснулся. Зевнув, он потёр глаза и поглядел в окно: ночью дорога нескончаемо тянулась вперед, вокруг — ничего, глазу зацепиться не за что. Мягкие кресла «Мерседеса-Бенц» уютно поглотили его тело, хотелось спать. Саша опять погрузился в дрему. Иногда он просыпался, сонно поглядывая в окно и вновь закрывал глаза.

Уже ближе к утру на повороте машина сбавила ход. Ванк почувствовал это и приподнял веки, повернул голову к окну. Но вот кое-что интересное: он даже встренулся, заметив на обочинах свежеспавший снег, окрашенный предрассветной сепией. Саша мотнул головой, сгоняя остатки сна.

— Где мы? — сквозь зевоту спросил он у водителя.

— Уже въехали в Казахстан. — Сидевший за рулём Валера вставил кассету в проигрыватель, щелкнул кнопкой.

Зазвучал любимый альбом «Wish You Were Here» группы «Pink Floyd».

Дильман любовно погладил баранку авто:

— Корабль, а не машина! Слышь, Сашка? На борту — двадцать градусов по Цельсию, за бортом — минус пять! — Цифры на панели управления светились зеленым. — Серёга, неужто продашь её?

Третьим в машине был Сергей Ган. Ему, как и Валере, недавно стукнуло двадцать пять.

— Пока не решил. Может, и оставлю себе, — неопределённо ответил Ган, приглаживая взлохмаченные после сна светлые волосы.

— Что снилось-то, Санька? — Серёга взглянул на Сашку, сидящего рядом. — Ты что-то мямлил во сне... Наверно, с таможенной разруливал, а может, с брестскими бандюками? — Ган хохотнул.

Саша поёжился под насмешками, но сразу нашёлся:

— Нет. Снилось, как твоя тёща, Серёга, нам носков недодала, — поддел он Гана, имея в виду, что родственница его втихую притроговывала носками со склада магазина «Детский мир».

Дильман за рулем загоготал.

— Эй, на дорогу смотри! Ржёшь тут, водила! — Сергей пихнул кулаком спинку водительского сиденья.

А Ванку было не до смеха. Его самолюбие было задето, вдобавок в памяти всплывали предостережения матери. Выходит, права она была, говоря ему о бандитах, а он, Сашка, так легкомысленно воспринял её слова.

Их с Валерой бизнес, в который Саша включился в июне, шёл весьма неплохо. На руку им пришёлся даже обвал рубля, когда курс резко подскочил. И всё же после таких скачков на бирже друзья решили хранить деньги в долларах, обдуманнее вкладываться, покупая товар, и обязательно оставлять свободную сумму на всякий случай.

В целом всё шло по плану, по крайней мере, до нынешней поездки. Правда, за лето — начало осени на рынке Алма-Аты наметилась серьёзная конкуренция: челночить стали не только они, так что прилавки оказались завалены ширпотребом: джинсами «Mawin», свитерами с ковровым орнаментом и вышивкой «BOYS» и прочей дешёвкой. Одинакового тряпья стало так много, что покупатель пресытился, даже научился отличать подделку от фирмы. Неликвид с галантерейных магазинов уже не шёл, как прежде, на ура. Так что надо было искать другой товар, новые ходы. И вот друзья переключились на каракулевые шубы. Стоили они недёшево, это не блок си-

гарет или зубная паста, так что Ванку пришлось играть по-крупному — вкладывать все имеющиеся у него деньги. Потеря товара могла сделать его банкротом, но зато и маржа даже с одной шубы солидная, так что было ради чего рисковать.

Теперь-то по собственному опыту Саша знал, что бандитов покрывает власть, с криминалом она идет рука об руку. На дорогах гаишники за взятки передают наводки о перемещении товаров, на границе бандюков прикрывают погранцы и таможенники, на улицах — менты, а в высоких кабинетах — люди в погонах. Саша убедился: где деньги, там и опасность. В последние дни он хлебнул приключений.

Говоря о брестских бандюках, Сергей намекал на случившуюся накануне заварушку на белорусско-польской границе. В общем, там земляки и встретились. Дело было так. По дороге в Польшу, куда пришлось ехать на поезде, Саша вынужденно оставил на белорусской границе, в Бресте, коробку с сигаретами — слишком много пытался провезти. На обратном пути ребята вышли из поезда, чтобы забрать не пропущенную таможей злосчастную коробку, но тут к ним и подошли местные бритоголовые... И пришлось бы выяснять отношения с ними, но по чистой случайности в это время поблизости, на вокзале, тёрлись алма-атинские. То есть казахстанцы через Белоруссию гнали целый караван иномарок из Германии, среди них оказался Сергей Ган. По каким-то делам его вместе с напарниками занесло на перрон, а там — ба! — знакомые всё лица. Серёга Ган и раньше уже сталкивался с местной мафией. А потому, заметив алма-атинских друзей, отвёл бандюков в сторону и по-свойски договорился. Те, оценив количество алмаатинцев, на них не попёрли. Так Сашка и Валера и оказались в «мерсе» Гана.

— ...А если кроме шуток, — блаженно развальясь в мягком кожаном кресле, начал Ванк, — пора с Польшей завязывать. Слишком рискованно мотаться по границам, а деньги невелики. — Саша посмотрел на Гана и мрачно признал: — Если бы вы с ребятами не гнали машины из Германии, нас точно бы те бандюки порешили.

— Козлы! — зло процедил Валера с водительского сиденья, потом выругался.

Пару минут в салоне висело молчание.

Наконец, погасив в себе злость, Дильман, балагур по натуре, подал голос:

— Саня! Признайся, тебя Польша больше не интересует, потому что кое-что получше в карман положил? Похвастал бы, что везёшь! — в его голосе слышалась издёвка.

Заскучавший было Ган вмиг оживился.

— Ну-ка, ну-ка... колись, Сашок! — Любопытство захватило его.

Но у Ванка не было настроения болтать, тем более о своих проколах. Кому приятно быть посмешищем для друзей?

— Пусть Валера расскажет, — обиженно буркнул он и поудобнее устроил голову на подголовнике. — А я вздремну, — и закрыл глаза.

Он вполуха слушал, как Валера взахлёб рассказывает Гану историю с польскими лохотронщиками.

— ...Сидим, значит, в баре во Вроцлаве, пиво пьём с Витькой Соболев... Ну, наш, алма-атинский, там его встретили. Знаешь его. Так вот мы-то с Витькой уже расторгнулись. Ждём Саньку. А к нему за шубами поляки пришли. Забегают наш Санёк в кабак, весь запыхался, глаза по полтиннику. Кричит: покупатель тысячу марок даёт. Сдача нужна триста баксов, мол, дайте в долг. Хорошо, выходим из бара Сашку поддержать. Поляк тот — ухарь, за шубу протягивает бумажку. Новенькая, аж хрустит. Мы-то в валюте мало разбираемся. Злотые ещё куда ни шло — в руках держали. А тут немецкие марки предлагают! Я смотрю, мужик на купюре ни разу на бюргера не похож: усики, борода интеллигентная, шляпа... А главное, когда пригляделся, увидел надпись «песетас», уж никак не дойчемарка. Спрашиваю у покупателя, что за песетас такой? Мужика так зовут, что ли? Только спросил — поляков тьма набежала, все орут, шубы выхватывают. Короче, насилу отбились от них. Тот ухарь одну шубу так и унёс, остальные мы не отдали. Позже их сбывли. А песетас те испанскими бабками оказались. По курсу — пшик! Так что поляку шуба почти задарма досталась. — Дильман хохотнул и добавил, обращаясь к Ванку: — Давай, Санька, покажи Серому трофей свой! — Валера громко и беззлобно рассмеялся.

Сашке было досадно. Чего уж! Конечно, ругал он себя. Сам и виноват. Вообще, в эту поездку всё шло не так, как обычно. То эта проблема на таможне с коробкой сигарет, потом вот эти злосчастные песеты.

Но долго дуться на друзей Сашка не мог: необидчив он по натуре. К тому же дружили они почти с детства, хотя Валера и Серёга чуть постарше его. Все трое тренировались в одном бассейне: Ган и Дильман как пловцы, выступавшие за сборную Казахской ССР, там же были тренировки у пятиборца Саши Ванка. Так что друзья знали друг друга как облупленные.

Саня вытащил из-за пазухи диковинные песеты, протянул их Серёге. Пусть посмотрит, а иначе так и не отвяжутся с этими подколками.

### *Казахстан*

В тот ноябрьский день Саша и Валера торговали — надо было поскорее сбыть привезенный товар.

Главный вещевой рынок в Алма-Ате — бурлящий котёл. Здесь кипят свои страсти, вместе варятся торговцы, интеллигенция, бандиты и менты. У них свои отношения — лучше без особой причины не встре-